

Хавьер Саласар Калье

НДУРА

СЫН ДЖУНГЛЕЙ

Javier Salazar Calle

Ндура. Сын Джунглей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59142299

Ндура. Сын джунглей.:

ISBN 9788835411277

Аннотация

Когда обычный человек, любой из нас, вдруг оказывается на грани жизни и смерти, один, посреди непроходимых джунглей, он сможет выжить?

Именно такая незамысловатая дилемма стоит перед героем нашей истории. Возвращаясь из отпуска, после заурядного сафари на джипах с фотоаппаратом в Намибии, он вдруг оказывается на грани выживания, после того, как их самолет был сбит какими-то повстанцами и упал в девственных джунглях Итури, в Республике Конго. Словом, наш герой неожиданно-негаданно оказывается там, где дикая природа – отнюдь не единственный смертельный враг, и где просто выжить – далеко не единственная сверхзадача.

Лучшая молодёжная повесть 2014 года в Испании !

Когда обычный человек, любой из нас, вдруг оказывается на грани жизни и смерти, один, посреди непроходимых джунглей, он сможет выжить?

Именно такая незамысловатая дилемма стоит перед героем нашей истории. Возвращаясь из отпуска, после заурядного сафари на джипах с фотоаппаратом в Намибии, он вдруг оказывается на грани выживания, после того, как их самолет был сбит какими-то повстанцами и упал в девственных джунглях Итури, в Республике Конго. Словом, наш герой неожиданно-негаданно оказывается там, где дикая природа – отнюдь не единственный смертельный враг, и где просто выжить – далеко не единственная сверхзадача.

Повествование, выдержанное в духе классической приключенческой литературы, переносит читателя из мира реального в мир, где всё пропитано тревогой и отчаянием главного героя от навалившихся на него несчастий. В этой книге естественным образом переплетаются между собой человеческие эмоции и нечеловеческое напряжение в борьбе за жизнь. По мере развития сюжета психологическая деградация героя гармонично вписывается в подробное описание окружающей его природы: животных, растений и людей. Автор убеждает нас в том, что наша самооценка зачастую бывает ошибочной, причем как в сторону переоценки, так и в сторону недооценки.

Без всякого сомнения, эту книгу стоит прочитать каждому.

Содержание

ДЕНЬ 0	8
ДЕНЬ 1	10
ДЕНЬ 2	27
ДЕНЬ 3	45
ДЕНЬ 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Javier Salazar Calle
Ндура. Сын джунглей

Ндура

Сын джунглей

—

Хавьер Саласар Калье

Дизайн обложки © Sara García

Оригинальное название: Ndura. Hijo de la selva

Copyright © Javier Salazar Calle, 2015

**Перевод с испанского:
Альберто Гарсия Самсонов**

Издание первое

Об авторе:

● Web: <https://www.javiersalazarcalles.com>

● Facebook: <https://www.facebook.com/jsalazarcalles>

● Twitter: <https://twitter.com/Jsalazarcalles>

● LinkedIn: <https://es.linkedin.com/in/javiersalazarcalles>

● Google+: <https://plus.google.com/u/0/>

[+JavierSalazarCalle escritor](#)

● Youtube: <http://www.youtube.com/user/javiersalazarcalles>

Все права защищены. Запрещается полное или частичное воспроизведение или копирование данного произведения любым электронным или механическим способом, включая фотокопирование, магнитную, оптическую или любую другую систему записи, хранения и восстановления информации без разрешения владельца авторского права.

Посвящается тем, кто, как и я, совершают фантастические путешествия и пускаются в увлекательные приключения, не выходя из дома. Потому что именно благодаря им сила воображения продолжает жить и будоражить наш рациональный мир.

Посвящается моему лучшему другу, который умер много лет назад, и моему сыну, Алексу, который носит его имя, и с которым связаны все мои надежды и мечты.

ДЕНЬ 0

Я нахожусь глубоко в джунглях тропической Африки. Сижу, опершись спиной о ствол какого-то дерева. Очередной приступ лихорадки заставляет все тело содрогаться в конвульсиях. Приступы повторяются все чаще. Боль во всем теле не отпускает. Боль – это единственное, что я сейчас чувствую. Не могу унять дрожь. Я на вершине какого-то холма. За моей спиной джунгли – густой, дикий и беспощадный тропический лес. Передо мной – исчезающие, как по волшебству, заброшенные лесоразработки. Видневшиеся тут и там пни, а чуть дальше, несколько заброшенных домов – свидетельства некогда интенсивной вырубki леса и зарождавшегося, но так и не состоявшегося города. Глина, опавшая листва, вперемежку с обломками кирпичей. Цивилизация.

Я нахожусь за тысячи километров от своего дома, от своих друзей, от своей девушки, от своей семьи. Я даже начинаю скучать по своей работе. Благоустроенная, беззаботная жизнь, возможность напиться воды, просто открыв водопроводный кран, поесть в любом баре и, конечно, спать в теплой и сухой постели – всё это так далеко! И безопасность, особенно безопасность! Как мне не хватает сейчас этого спокойствия, когда единственная озабоченность вызвана тем, что не знаешь, чем занять свободное после работы время! До чего же абсурдными кажутся мне сейчас прежние мои тре-

воги: ипотека, зарплата, споры с другом, невкусная еда, футбол! Особенно еда!..

Совершенно очевидно, что необходимость выжить в экстремальных условиях меняет мировоззрение человека. Со мной, по крайней мере, произошло именно так. Что я делаю так далеко от своего дома, полумертвый, в самом сердце джунглей Центральной Африки!? Как я оказался в этой безвыходной и жуткой ситуации, достойной пера самого Данте? Как всё это началось?

Мысленно я прокручиваю в голове те обстоятельства, которые привели меня на самый край пропасти, отделяющей жизнь от смерти. Я возвращаюсь к исходному пункту этой скоростной автострады, ведущей прямо в потусторонний мир, и которая, скорее всего, приведет к завершению моего жизнеописания в Книге Жизни...

ДЕНЬ 1

КАК НАЧАЛАСЬ ЭТА УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Я посмотрел на часы. Наш обратный рейс в Испанию вылетал через два часа. Алекс, Хуан и я уже прошли в торговую зону аэропорта Виндхук. Здесь мы собирались избавиться от остатков местной валюты и, между делом, приобрести тот последний сувенир, который мы всегда оставляем на потом. Мы уже поели, и нам оставалось только сделать последние покупки. В подарок отцу я купил раскладной нож с деревянной рукояткой, на которой была выгравирована надпись «Намибия». Несколько фигурок различных животных, довольно искусно выточенных из дерева, я купил в качестве сувениров на подарки. Ещё раньше, в одной из типичных деревень африканской саванны, я купил для своей девушки Елены деревянную фигурку жирафа прекрасной ручной работы. Алекс купил сербатану со стрелами. Как он объяснил, она нужна была ему для того, чтобы внести кое-какое экзотическое разнообразие в виде первобытных атрибутов в игру дартс. С рюкзаками за плечами мы слонялись по аэропорту около часа, наслаждаясь последними минутами пребывания

в этой живописной стране, пока нас не пригласили в самолёт. Так как чемоданы были уже сданы в багаж, мы прошли прямо на посадку и, вскоре уже сидели на своих местах в старом, четырёхмоторном, турбовинтовом самолёте, предварительно сфотографировав его пару раз на память. Итак, наше двухнедельное сафари на вездеходе по выжженной солнцем африканской саванне завершилось. И, хотя мы уже заранее начинали скучать по этим местам, нам очень хотелось, наконец, принять горячий душ и поесть чего-нибудь своего, испанского. Грустно было уезжать ещё и потому что, как нам сказали, через несколько дней должно было произойти самое значительное за последние десятилетия солнечное затмение, которое, как раз здесь, в этой части Африки, можно было наблюдать лучше всего.

Из нас троих я был самый отчаянный искатель приключений. Это я, в конце концов, уговорил ребят поехать со мной. Одно дело быть искателем приключений по духу и совсем другое дело искать приключения в одиночку. Сначала мои друзья без воодушевления отнеслись к моему предложению променять расслабляющий, комфортный отдых на севере Италии на экстремальное, в немалой степени, сафари с фотоаппаратом, в 40-градусную жару, с редкой возможностью укрыться в тени от палящего солнца. Однако, как оказалось к концу поездки, никто из них нисколько не разочаровался. Ребята повторили бы такое приключение с удовольствием, не задумываясь.

Самолет должен был доставить нас в международный аэропорт, который находился в 1.000 км к северу. Там мы должны были пересесть на современный и комфортабельный лайнер одной из европейских аэролиний, чтобы вернуться домой.

После взлета мы занялись просмотром фотографий на цифровой камере Алекса. Среди них была одна, особенно забавная: на ней Алекс и Хуан удирают во всю прыть от разъярённого гну. Пока мои друзья заканчивали обсуждение фотографий, со смехом вспоминая забавные истории, я погрузился в свои мысли, посматривая в иллюминатор на проплывающие мимо облака. Я чувствовал себя умиротворенно. Я возвращался домой со своими лучшими друзьями, которых знал еще со школьной скамьи. Позади остались увлекательные приключения в фантастическом по красоте краю. Как будто бы я был участником одного из репортажей Нэшнл Джеографик, которые я так любил смотреть по телевизору во время обеда. Итак, мы провели сафари на вездеходе по следам больших миграций антилоп гну, мы фотографировали стада слонов и наблюдали воочию повадки львов буквально в нескольких метрах от себя в дикой африканской саванне. Мы видели бои бегемотов, видели крокодилов, притаившихся в ожидании очередной жертвы, видели гиен в лихорадочном поиске падали, грифов, планирующих кругами над какими-то бранными останками, видели каких-то странных рептилий и огромное количество разных насекомых. Мы но-

чевали в палатках посреди саванны, ужинали у костра под необычно ясным и звездным небом... Словом, это было чудесно! Особенно незабываемое впечатление оставило посещение национального парка Этоша.

Внизу, как бы для контраста со всем видимым ранее, простиралось бесконечное зелёное море. Мы пересекали экватор. Густой тропический лес покрывал буквально всё – бескрайний зелёный ковер. Что-то в этом роде могло стать целью нашего следующего путешествия: вверх по Амазонке на лодке с остановками, чтобы насладиться созерцанием необычных форм жизни этого уникального края. Мы уже вдоволь насмотрелись на огромные, вырубленные человеком плечи в саванне, и теперь нам хотелось увидеть всё величие буйной, первозданной природы и бьющей через край, кипучей жизни, скрывающейся в ней. Нам хотелось прорубаться с мачете через непроходимые заросли, научиться добывать пищу, познакомиться с нетронутыми цивилизацией племенами, увидеть экзотических животных и редкие растения... Ладно, это уже планы на будущий год, если только мне удастся вновь уговорить своих друзей. Ну, а если нет, то и север Италии тоже не так уж и плох.

Сильный хлопок, как от взрыва, и последующий за ним резкий толчок самолёта, вырвали меня из мира фантастических мечтаний и вернули к действительности. Самолет начало сильно трясти и, вскоре, я почувствовал себя как на русских горках. Меня выбросило из кресла на пол в проходе,

прямо на какую-то женщину. Кое-как мне удалось подняться и вернуться на место, стараясь из всех сил не упасть. Отовсюду доносились панические крики. В салоне воцарилась полная неразбериха.

– Горим! Горим! В крыло попали! – прокричал кто-то с противоположной стороны кресел.

– В правое крыло! – уточнил один из пассажиров.

Сначала я не понял, о чем это они, но когда посмотрел в иллюминатор на противоположной стороне салона, увидел густой черный дым, застилающий небо. Дыма было столько, что казалось, неожиданно наступила ночь, трагическая ночь. Самолет бросало из стороны в сторону всё сильнее. Кто-то начал истерически кричать. Из динамиков донёсся едва различимый, нервный голос пилота. Он сообщил, что повстанцы Конго, над которым мы как раз пролетали, выпустили по нам ракету, и что придётся совершить вынужденную посадку в лесу. С какой-то женщиной случилась истерика, и её с трудом удалось усадить на место с помощью двух стюардесс и одного, вызвавшегося помочь пассажира. Все быстро вернулись на свои места, пристегнули ремни и приняли положение, которое нам демонстрировала стюардесса перед взлетом: согнуться, голова опущена к коленям. Мой взгляд упёрся в совсем не вызывающий оптимизма, металлический пол самолета. Нами овладевал ужас. Я вспомнил, как однажды, в новостях говорили об этих повстанцах. В частности, говорили о том, что они контролировали одну из алмазных разра-

боток или шахту по добычи колтана, очень ценного минерала, который используется в производстве карточек для мобильных телефонов, микросхем или даже комплектующих для атомных электростанций. Словом, там было что-то вроде бесконечной и кровавой гражданской войны, длящейся уже более двадцати лет и в которой переплелись экономические и военные интересы многих соседних государств.

Самолет сотрясало с такой силой, что всякий раз, когда меня бросало вперед, я бился головой о спинку впереди стоящего кресла. Ремень безопасности так врезался мне в живот, что дышать мне удавалось с трудом. Вскоре я почувствовал, как нос самолета начал клониться к земле, началось головокружительное снижение. Всё это сопровождалось адским шумом. Казалось, что одновременно тысячи двигателей заработали на полную мощность. Перед этим в динамиках прозвучало последнее сообщение пилота о том, что он попытается посадить самолет на какую-то поляну, обнаруженную им в густых зарослях. Последняя мысль, промелькнувшая в моей голове, была о том, что мы все умрём при ударе о землю. Затем всё смешалось. Последовал оглушительный удар, скрежет, какие-то еще звуки и... темнота...

Когда я пришел в себя, голова просто раскалывалась от боли. Я провел рукой по лбу и почувствовал кровь. Всё тело было покрыто синяками и ссадинами. Там, где ремень безопасности врезался в тело, зияла открытая рана. Я провел пальцами по ней и, почувствовав острую боль, сильно сжал

зубы. Тут я увидел своих друзей. Хуан, казалось, был в полуморожном состоянии, он издавал какие-то жалобные стоны и слегка шевелился. Алекс... Алекс не двигался совсем. Его лицо, прежде веселое и полное жизни, теперь было абсолютно белым, окаменевшим. Кровь обильно сочилась из раны на затылке. В отчаянии я позвал его по имени несколько раз. Прикоснулся к его лицу. Оно оказалось очень твердым на ощупь. Я принялся его трясти, пытаюсь привести в чувства. Я звал его, умолял отозваться, но все было напрасно. Алекс был мертв. Это слово эхом отдавалось в моей голове. Мертв.

Потрясенный, убитый горем и полностью побежденный обстоятельствами, я отчаянно попытался собраться с мыслями. В голове моей продолжали монотонно звучать барабаны, «бум-бум-бум», наверное, последствия катастрофы. Однако вскоре я понял, что это было не в моей голове. Вдалеке я отчетливо расслышал повторяющийся как эхо перестук барабанов. Как будто кто-то, таким образом, передавал сообщения на расстоянии.

– Вот же дерьмо! – подумал я.

Пошатываясь, я поднялся на ноги. У меня вдруг возникла мысль о том, что если нас сбили повстанцы, они непременно придут сюда и схватят нас, а то и просто убьют. Надо было немедленно уходить. Первой моей реакцией было предупредить Алекса, но когда я повернулся к нему, до меня, наконец, дошло, что его больше нет, что он умер. На несколько

секунд я опять потерял связь с реальностью и никак не мог собраться с мыслями. Затем, с трудом придя в себя, я подошел к Хуану. Он по-прежнему сидел в своем кресле и пребывал в полуобмороке, только часто вздрагивал, как будто во сне его мучали кошмары.

– Хуан – с трудом произнес я – нам надо уходить отсюда.

– А Алекс? – еле слышно пробормотал он сквозь зубы, не открывая глаз.

– Алекс? Алекс мертв, Хуан – ответил я, изо всех сил стараясь не потерять сознание.

– Давай! Алекс умер и мы умрем, если не уберёмся отсюда. Алекс умер.

Спотыкаясь, я бросился искать свой рюкзак. Вокруг царил неопиcуемый хаос, но рюкзак я всё-таки нашел. Подобрал его, я направился в хвостовую часть самолета. Здесь ещё горела часть фюзеляжа, и ощущалось настоящее пекло. Тут и там, в самых нелепых позах, лежали пассажиры. Многие были серьёзно ранены, кто-то пытался выбраться наружу, кто-то только приходил в себя. Многие были уже мертвы. Со всех сторон доносились крики, стоны, бормотания. Я добрался до кухни и стал совать в рюкзак всё, что попадалось под руку: банки с напитками, бутерброды, какие-то коробки без надписи и даже одну вилку. С полным рюкзаком я вернулся к Хуану, нашел его рюкзак, который оказался на какой-то женщине, и сложил в него одеяла, которые нам выдавала стюардесса перед полетом. Тут я вспомнил об аптечке, и мне при-

шло снова возвращаться в хвост самолета. Аптечку я нашел на полу, она была открыта, и её содержимое было разбросано по всей кухне. Я собрал всё, что оказалось под рукой, и вернулся к Хуану.

– Давай, Хуан, мы уходим.

– Я не могу – прошептал он – у меня всё болит.

– Давай, Хуан, надо встать или нас всех убьют. Я только оставлю рюкзаки снаружи и сразу вернусь за тобой.

– Ладно, ладно, я постараюсь, – ответил он, слегка пошевелившись.

Я взял наши рюкзаки и, слегка покачиваясь от головокружения, выбрался из самолёта наружу. Мне стоило огромных усилий не остановиться и не броситься помогать остальным пассажирам. Но я не знал, сколько времени у нас в запасе, и очень хотел жить, дожить хотя бы до рассвета. Мы находились на самом краю большой поляны. Видимо, пилот попытался посадить самолет именно здесь, на открытом месте, но его немного отнесло в сторону, так как он зацепил крылом верхушки высоких деревьев. Огромный столб черного дыма поднимался к небу, и мог быть виден невооруженным глазом на многие километры вокруг. Я нырнул в заросли и оставил наши рюкзаки у подножья какого-то огромного дерева. Едва я развернулся, чтобы пойти назад к самолету, как на поляне появилась группа чернокожих и хорошо вооруженных людей. Они появились с противоположной от нас стороны поляны. Я быстро присел и спрятался за дерево. Что-то силь-

но кольнуло в животе. Партизаны, одетые кто в камуфляж, кто в гражданское, окружили самолет, что-то громко крича и угрожая оружием. Невозможно было понять ни одного слова, но судя по местности, где мы оказались, это должен был быть язык суахили, хотя, кто его знает, это мог быть какой угодно язык.

– *Нитока!* – кричали они раз за разом – *эний, нитока, мааруси!*¹

Тут же некоторые пассажиры стали выходить из самолета, растерянные и смущенные. Их сразу же укладывали на землю, и, нисколько не церемонясь, начинали тщательно обыскивать. Тем временем подходили ещё повстанцы. Один пассажир, сидевший в полете перед нами, вдруг резко поднялся и бросился бежать – видимо сдали нервы. Его тут же расстреляли несколькими автоматными очередями. Он умер мгновенно. Тем временем Хуан, видимо, решил воспользоваться общим замешательством, и бросился бежать в противоположную сторону.

– *Баси!*² *Баси!* – закричал кто-то из повстанцев, заметив рывок Хуана.

– *Нифьетуа!*³ – громко прокричал тот, который был похож на командира, когда Хуан уже почти добежал до кромки леса.

¹ **Язык суахили:** *enyi!, nitoka, maarusi!*: Вы! Выходите! Быстро!

² **Язык суахили:** *basi*: Стой!

³ **Язык суахили:** *nifyetua!*: Стреляйте!

Не медля ни секунды, двое повстанцев выпустили ему вслед две очереди из автоматов. Одна пуля просвистела рядом со мной, и я резко пригнулся, зажмурил глаза, наивно полагая, что так я мог спастись от пули. Хуан упал на колени метрах в пяти от меня. Его угасающий взгляд на мгновение остановился на мне, на моей съёжившейся в страхе фигуре, и, прежде чем его тело рухнуло на землю, он одарил меня своей последней улыбкой.

– *Нитока, мааруси!* – продолжали кричать повстанцы тем, кто ещё оставался в самолёте.

Мне не пришлось даже сдерживаться, чтобы не закричать. Я просто онемел от шока. Меня полностью парализовало. Не знаю, сколько времени я пребывал в таком состоянии, но когда я снова пришел в себя, я вдруг осознал, что мне осталось только одно: спасти свою жизнь. И этим спасением было бегство. Я схватил оба рюкзака и поспешно скрылся в зарослях леса, стараясь не шуметь, хотя и получалось это плохо. Все тело болело, я спотыкался на каждом шагу, ноги не слушались. Я не знал, куда бежать, однако прекрасно понимал, что чем больше будет расстояние между мной и этими дикарями, тем больше у меня будет шансов остаться в живых.

Подгоняемый страхом, я прошагал около двух часов без остановки, пока ноги мои окончательно не подкосились. Я повалился в траву, почти без чувств от полного физического истощения. Рюкзаки, казалось, были набиты камнями. Моё

левое колено сильно болело. Когда-то, играя в футбол, я получил травму, которую так и не залечил, и которая до сих пор напоминала о себе при чрезмерных нагрузках. Я порывлся в своём рюкзаке и достал банку освежающего напитка. Она всё ещё была прохладной, и я выпил её с жадностью. Пот лил ручьём, обильно стекал по подбородку, как будто я побывал под проливным дождём или только что вышел из бассейна. Мне не хватало воздуха, и я начал дышать глубже, широко разевая рот. Один такой вдох оказался слишком глубоким, и я, поперхнувшись, зашелся в приступе нестерпимого кашля и чихания. Мне показалось, что я сейчас задохнусь. Когда мне удалось успокоиться, но все ещё с трудом восстанавливая дыхание, я увидел, что свет слегка померк, начинало темнеть. Алекс погиб при крушении самолета, Хуан – хладнокровно расстрелян из автомата, два моих лучших друга погибли в течение очень короткого отрезка времени. Причиной всему была какая-то нелепая гражданская война, к которой мы не имели никакого отношения, и смысла которой я не понимал. Почему эти люди не убивают своих прямых врагов или друг друга? Почему они убивают нас? Почему они убили моих друзей, Алекса и Хуана? Вот же сволочи! По мне, так поубивали бы друг друга, и дело с концом! По их вине я оказался один, в этом дерьмовом месте, весь мокрый от пота, обессиливший, задыхающийся и без своих друзей. Почему это происходит со мной, с нами? Смерть Хуана, хладнокровно расстрелянного этими зверями, всплывала в моей голо-

ве, как повторяющиеся кадры фильма ужасов. Тускнеющий блеск его глаз, смотрящих прямо на меня в то роковое мгновение. Я попытался не думать об этом, спрятать эти мысли где-нибудь глубоко в складках моего мозга, но безрезультатно. Всего несколько часов назад мы были вместе, смеялись, вспоминая забавные приключения сафари, а сейчас...

Я немного поплакал, и мне стало легче. Я почувствовал себя лучше, во всяком случае, спокойней. Тем временем стемнело. Сумрачный, дикий лес погружался во тьму. Пора было искать место для ночлега. Я боялся спать прямо на земле, в основном из-за опасения, что так меня легко найдут повстанцы. Однако перспектива провести ночь на дереве также не особо радовала. Я боялся змей, крикливых обезьян, да мало ли ещё какого голодного и свирепого зверья может принести на мою голову. Надо было решать – змеи или обзлѐнные вооруженные люди? Змеи мне сейчас казались наименее опасным выбором. По крайней мере, они не сделали мне пока ничего плохого. Я начал поиски подходящего дерева, где можно было бы устроиться на ночлег, доступного и удобного для меня и неудобного для змей.

И только тут я обратил внимание на то, какое невероятное количество разных деревьев и растений окружало меня со всех сторон. От самых маленьких, почти микроскопических экземпляров, до огромных деревьев высотой более 50 метров, возвышающихся над всей остальной растительностью и верхушки которых разглядеть отсюда было невозможно.

Меня окружала причудливая смесь всевозможных и разнообразных представителей флоры. Среди этого разнообразия выделялись, например, высоченные пальмы с растрепанными листьями в несколько метров длинной и с плотными пучками цветов⁴. Там был как бы первый ярус, состоящий из деревьев высотой более 30 метров и некоторых экземпляров значительно выше среднего уровня. Второй ярус состоял в основном из деревьев с кроной продолговатой формы, похожих на кипарисы, которые у нас сажают на кладбищах, только высотой они были здесь от 10 до 20 примерно метров. Третий ярус представляли растения примерно от 5 до 8 метров высотой. Здесь внизу света было уже намного меньше, чем наверху. Пониже росли многочисленные кусты и редкие молодые деревца. Толстый слой мха покрывал почти все вокруг, и многочисленные лианы обвивали почти каждый ствол и свисали с каждой ветки. Повсюду были цветы и какие-то фрукты. Особенно их было много на верхних ярусах, но там мне их было не достать. Чувствовалось присутствие и представителей животного мира. И, хотя увидеть кого-то было трудно, но птичьи голоса, крики обезьян, шелест листьев, потревоженной чьим-то движением, насекомые, жужжащие над цветами, даже поступь какого-то наземного животного, можно было прекрасно слышать. Повсюду порхали бабочки и прочие насекомые. Если бы не трагические обстоятельства, я бы с удовольствием воспользовался бы случаем

⁴ **Флора:** Масличная пальма, *Elaeisguineensis*

оценить всю красоту этих мест. Но сейчас я видел во всем, что меня окружало, только препятствия и угрозу моему выживанию. Меня пугало буквально всё.

Вскоре я нашел подходящее, как мне казалось, дерево и полез наверх с обоими рюкзаками за спиной. Колено молило о привале, и рюкзаки весили слишком много. Поднявшись достаточно высоко, чтобы чувствовать себя в безопасности, и не так высоко, чтобы разбиться или серьёзно покалечиться при падении, я расположился между двумя толстыми ветками, которые росли почти параллельно, и накрылся маленьким одеялом, которое я прихватил ещё в самолете. Второе одеяло я приспособил под голову как подушку. В небе огромное количество больших летучих мышей темно-коричневого цвета сновало в характерной для них хаотичной манере, как будто не зная, куда лететь. На самом же деле, они руководствуются строго определенными импульсами.⁵ Я не знал, можно ли их как-то сосчитать, но их должно было быть тысячи. Они садились в основном на пальмы, видимо, чтобы полакомиться их плодами или чтобы поохотиться на насекомых, которые поедали эти плоды.

Должно быть, я проспал около двух часов, урывками по пятнадцать, двадцать минут. Звуки ночного леса донимали меня со всех сторон. Шорохи, чьи-то шаги, топот, гоготание, визг, жужжание, шёпот и бормотание то усиливались, то стихали в ночи. Несколько раз мне казалось, что я слышу истош-

⁵ **Фауна:** Пальмовый крылан, *Eidolonhelvum*

ный детский плач и трубление слонов. Я не мог понять, было ли это тем, что казалось, или это на самом деле мне только казалось. Порой я различал негромкое рычание, внушающее тревогу и вызывающее в голове образ свирепой дикой твари, пожирающей меня, пока я сплю. Страх сковывал моё дыхание, сжимал сердце до боли. Каждый звук, каждое движение, каждый шорох, всё, что происходило вокруг меня, вызывало ощущение болезненного и мучительного удушья. Стоило мне забыться хоть немного, любая мелочь заставляла меня просыпаться от страха вновь и вновь. Пару раз я видел блеск чьих-то глаз в мрачном сумраке ночи. Чтобы хоть как-то успокоиться, я начинал уверять себя, что это была обычная сова или её местный близкий родственник. Однако такие попытки думать положительно длились недолго и заканчивались тем, что кругом мне начинали мерещиться крупные и свирепые хищники из семейства кошачьих, не знающие жалости в своих инстинктах, или ядовитые змеи. Несколько раз мне показалось, что я слышал выстрелы и короткие автоматные очереди недалеко, но прислушавшись снова, я так ничего и не расслышал.

– Хавьер – позвал меня Алекс.

– Да. Где ты? – произнес я, резко проснувшись.

– Хавьер – вновь услышал я.

Я огляделся, в растерянности, ожидая увидеть своего друга. Я не сразу вспомнил, что Алекс уже мертв, и что я один, без какой-либо помощи, оказался посреди дикого тропиче-

ского леса. Больше всего меня пугало то, что рядом никого не было, рассчитывать было не на кого. Не с кем было разделить боль от потери друзей, боль физическую и отчаяние своего положения. Но ни в коем случае нельзя было поддаваться панике. Надо было выкинуть из головы дурные мысли. Только так можно было выжить. Но сейчас сделать это я был не в состоянии. Удручающее ощущение одиночества ввергало меня в пучину страха и отчаяния.

– Хавьер, Хавьер!

Этот зов продолжался всю ночь – постоянный, настойчивый, влекущий. И я бы ушел за ним, если бы знал куда идти.

ДЕНЬ 2

КАК Я ОТКРЫВАЮ ДЛЯ СЕБЯ ЧУДЕСА ТРОПИЧЕСКОГО ЛЕСА

– Нет, не убивайте его! – закричал я, дёрнувшись при этом так, что потерял равновесие и полетел вниз.

Упав с глухим стуком на землю, я начал крутился из стороны в сторону, не обращая внимания на боль и стараясь избавиться от наваждения. Совершенно дезориентированный, я лихорадочно оглядывался по сторонам. Потом я замер, скорчившись на земле и жалобно поскуливая, как смертельно раненый зверь. Потирая ушибленную спину, я постепенно приходил в себя, понимая, что это был настоящий кошмарный сон, очень реальный сон. Я вновь пережил смерть Хуана, катастрофу самолёта, безжизненное тело Алекса у меня на руках. Пот катился ручьём по моему лицу, руки предательски дрожали. Я сделал несколько глубоких вдохов и решил двигаться дальше. Единственным моим желанием было уйти как можно дальше от злополучного самолёта, где осталась часть моей жизни. Прошлое было ужасным, а будущее – безутешным и унылым.

Сильно болела спина, то ли из-за неудобной позы во вре-

мя сна на дереве, то ли из-за падения, а может из-за того и другого. Я чувствовал себя разбитым и больным. С трудом взобравшись на дерево за рюкзаками, я обнаружил, что нет рюкзака с едой. Это так меня поразило, что я чуть было не упал снова. Без этого рюкзака я был как без рук. Испугавшись потери, я стал лихорадочно искать его среди веток в кроне. Потеряв всякую надежду его найти, я вдруг увидел, что рюкзак лежит на земле и содержимое его разбросано вокруг. Может, я сам его случайно сбросил во сне, или когда падал с дерева. Осторожно взяв второй рюкзак, я спустился с дерева и принялся собирать всё, что удалось найти: три банки освежающего напитка, один бутерброд с колбасой, обглоданное муравьями печенье, коробка с пакетиками соли для салата и две коробки с мармеладом из айвы. Больше я ничего не нашел. Наверное, растащили животные. Из этого я заключил, что рюкзак упал ночью, пока я спал.

Я решил провести инвентаризацию всего своего имущества, чтобы оставить самое необходимое и полезное, а лишнее выбросить. Не имело смысла тащить лишний груз. К тому же надо было понять, чем я мог располагать. В моём рюкзаке, кроме еды, был нож, который я покупал в подарок отцу, фигурки из дерева, путеводитель по Центральной Африке, пакет с бумажными салфетками, бинокль 8x30, кепка цвета хаки и майка с надписью "I love Namibia". Из аптечки у меня оставалась только начатая упаковка аспирина, новая упаковка антидиарейных таблеток, бинт, три пластыря и таблет-

ки от головокружения. Ну и, конечно, документы. В рюкзаке Хуана тоже были документы. Там же лежали три одеяла и подушка из самолёта, маленькая книжка с фразами на суахили, его черные очки, кепка, шоколадные палочки, почти пустая литровая пластиковая бутылка воды, вилка, одна большая фигурка слона из дерева и несколько маленьких, почти полная пачка сигарет и зажигалка.

Два рюкзака я тащить не мог, и поэтому сложил всё в один, который был в лучшем состоянии. Не поместились: одно одеяло, подушка и все деревянные фигурки, которые оказались совершенно бесполезным грузом в данных обстоятельствах. Всё это я тут же закопал и прикрыл опавшей листвой. Пока я перебирал эти вещи, они напомнили мне о тех, кому предназначались: о Елене, о моей семье, друзьях, об Алексе, о Хуане. Я снова не сдержался и расплакался. Я никого из них больше не увижу. Ну, Алекса и Хуана я смогу скоро увидеть там, на небесах, или там, куда отправляются после смерти.

Шоколадные палочки я съел сразу же, слизывая с обёрток остатки растаявшего от жары шоколада. Это было очень вкусно. Потом я допил остатки воды из бутылки. После этого я решил спокойно обдумать, что же мне делать дальше. В голове возникали вопросы: знают ли повстанцы, что я жив? Куда мне теперь идти?

Ответа на первый вопрос у меня не было. Может они разговорили какого-нибудь пассажира, который мог меня ви-

деть, а может, нашли мои следы, когда прочесывали местность вокруг самолета, или нашли пустую банку, которую я неосторожно выбросил (что было большой ошибкой с моей стороны, хотя я думал тогда только лишь о бегстве). Может они итак везде, и найдут меня всё равно. А может и не знают ничего про меня. Что бы то ни было, отныне надо постараться быть осторожнее и не оставлять следов.

По поводу того, куда мне теперь идти, я вспомнил, что во время аварийного падения самолета я заметил какую-то деревню где-то на горизонте, там, где виднелась обширная поляна в джунглях. Правда, с большой вероятностью это могла быть и база повстанцев, так как располагалась она довольно близко от того места, где на нас напали. Поскольку мы направлялись с юга на север, можно было предположить, что, двигаясь в северном направлении, я мог, в конце концов, преодолеть джунгли и выйти к границам соседнего государства, где найти помощь было бы значительно легче. Как мне не хватало сейчас моих друзей! Как бы мне сейчас пригодились оптимизм и кипучий энтузиазм вечно веселого Алекса, и трезвый анализ, серьёзность, решительность и способность противостоять трудностям Хуана. Как мне не хватало их поддержки именно сейчас, когда было необходимо собрать волю в кулак и принять этот вызов судьбы, вызов, который я не искал, но не принять который было невозможно. С ними всё было бы куда легче, может, даже это было бы похоже на очередное увлекательное приключение, о котором

можно потом рассказывать. Но их не было. Они были убиты, безжалостно и хладнокровно уничтожены, как обычные, надоедливые мухи, уничтожены в самом расцвете сил! А мне оставалось только одно – выживать любым способом. Сволочи! Сукины дети! Спокойно, Хавьер, спокойно! Мне необходимо было сохранять хладнокровие, это был единственный способ выбраться отсюда. Итак, солнце встает на востоке и садится на западе. Получается, что если рассвет наступил примерно с той стороны, то идти нужно в этом направлении. Если бы с такой системой ориентирования мне удалось выйти куда-то, это было бы чудом. Во всяком случае, я осторожно полез на самое высокое дерево, которое нашел, чтобы определиться с направлением.

Лезть было нетрудно, так как обилие веток и сучков позволяло пользоваться ими как лестницей. Однако чем выше я поднимался, тем тоньше они становились и легко сгибались подо мной. Так что приходилось проявлять большую осторожность и наступать строго на их основания у самого ствола, там, где они были толще и крепче. Дерево было значительно выше остальных, и когда я добрался почти до самой верхушки и взглянул вокруг, передо мной открылась шокирующая картина. Бескрайний зеленый океан разливался подо мной во все стороны, как гигантский ковер. Он поднимался на возвышенности и опускался в низины, повторяя рельеф местности, наподобие гигантских волн. Огромное пространство, наполненное жизнью. Только некоторые,

особенно высокие деревья одиноко выделялись из общего строя этого сотканного природой из бесчисленных зелёных крон гигантского ковра. И ничего больше, только бесконечные кроны деревьев, куда ни глянь. Даже в бинокль ничего и нигде не было видно. По правде говоря, это мне не слишком помогло в выборе направления. Я слез и спрятал рюкзак Хуана со всем его содержимым под стволом упавшего дерева, присыпав его немного сверху землей. В последний момент я решил не выбрасывать фигурку жирафа для Елены. Если я её всё же увижу, мне хотелось подарить ей хоть что-нибудь. Я огляделся в последний раз, чтобы убедиться, что не оставил явных следов своего пребывания здесь. Не до конца убедившись в этом, я все же зашагал вперед без особой надежды на будущее. Как же мне не хватало моих друзей!

По пути мне встретилась стайка живописных зеленых птиц, с бросающимися в глаза грудками⁶ пурпурного цвета. Их стайки из двенадцати, пятнадцати особей необычайно ловко порхали среди веток деревьев. Услышав меня, они ментально исчезли из вида. Только эти прекрасные птицы на некоторое время отвлекли меня от угнетающего ощущения одиночества, которое вызывал во мне агрессивный тропический лес. Угнетающий, враждебный и безжалостный мир, в котором постоянное, напряженное ожидание неизбежного и страшного конца, является обычным, всепоглощающим и едва ли не единственным ощущением, которое постоянно

⁶ Фауна: Уздечковый африканский трогон, *Apaloderma parina*

сопровождает одинокого путника.

Идти было трудно, часто приходилось перелезать через бесчисленные препятствия или обходить их стороной. Иногда попадались небольшие поляны, но их я тоже старался обходить, из-за страха оказаться на видном месте. Я сильно и постоянно потел, всё время хотелось пить, но открывать еще одну банку напитка не хотелось – их оставалось всего три. Температура была около 25 градусов, однако ощущение духоты усиливала еще и высочайшая влажность. Я снял рубашку, но сразу же пришлось надеть её снова, так как меня тут же закусали комары. Порой лес становился непроходимым, и вынуждал меня прибегать к помощи палки, которую я использовал как мачете. В таких случаях продвигаться вперед становилось крайне трудно, так как палка не рубила заросли, а лишь отгибала ветки с дороги. К тому же нижней частью ног и руки до локтей покрывали многочисленные раны и царапины, нанесенные жесткими и колючими ветками в тех местах, где одежда не защищала. Даже кое-где на лице я ощущал жжение, а значит, и лицо тоже было исцарапано.

Кое-где земля была покрыта упавшими ветками и поваленными стволами деревьев. Встречались и ровные, мягкие места, покрытые опавшими листьями. В любом случае, идти надо было крайне осторожно. Было очень легко подвернуть ногу на малейшей выемке или поскользнуться на мокрых листьях и получить серьёзную травму, что в этих условиях, было бы роковой неосторожностью. В некоторых местах кро-

ны деревьев смыкались настолько плотно, что дневной свет почти не проникал вниз, создавая сумрачную, хмурую игру света и тени, и кое-где многослойную вертикальную композицию из различных цветовых оттенков. Такие места я старался миновать как можно быстрее. Они меня пугали, везде мне мерещились призрачные тени лесных духов, готовых напасть на меня. В действительности это были ветки высоких деревьев, которые раскачивались в такт ветру, гуляющему там наверху, над зелеными кронами. Это он заставлял их издавать этот леденящий душу, непрерывный скрипучий вой, преследующий меня повсюду. Иногда заросли становились настолько непроходимыми, что приходилось давать большой крюк в обход, чтобы продолжать двигаться вперед. Никогда бы не поверил, что столько различных растений могли расти в одном месте. Я уже не видел никакой романтики в том, что приходилось пешком преодолевать тропические заросли, как это делали разные исследователи. Более того, я мечтал только об одном: выбраться отсюда как можно быстрее. К тому же, я двигался очень шумно, и сердце моё пребывало в состоянии постоянной тревоги из-за того, что, если по моим следам кто-то шел, то обнаружить меня не составляло никакого труда.

Так же как и ночью, сейчас меня окружали различные звуки, другие, не те, что я слышал ночью. Однако насекомые продолжали так же жужжать вокруг, причудливые, странные голоса разных птиц в кронах деревьев, какие-то крики, на-

верное, обезьян или кого-то ещё доносились со всех сторон. По крайней мере, не было угрожающих, пугающих рычаний неизвестного ночного хищника, или так мне хотелось думать. Животных я видел мало, но нутром я их чувствовал всех.

Я посмотрел на часы. Было десять часов утра. Я шел без остановок уже час и начал уставать. Колено уже давно посылало тревожные сигналы, и я заметил, что оно слегка опухло. Несколько раз судороги сковывали мышцы или что-то там ещё, и мне приходилось мягким, но сильным массажем успокаивать их. Один раз, когда боль в колене стала просто невыносимой, я присел на землю и, облокотившись о ствол высокого дерева, принялся растирать его руками. Тепло успокоило боль, и я решил немного отдохнуть. Заросли вокруг поредели. Прямо передо мной, на ветку, села птица, похожая на попугая. Её оперение было синего цвета с матовым оттенком, а хвост выделялся своим ярко-красным цветом. Вокруг глаз были белые круги, а клюв был абсолютно черным. Птица издавала крики, очень напоминающие человеческий голос⁷. Голова птицы вертелась во все стороны, независимо от туловища. Это напомнило мне девочку из фильма «Изгоняющий дьявола». Птица, раскачиваясь из стороны в сторону, приблизилась к плоду дерева и начала его клевать. Плод был красновато-оранжевого цвета, величиной с кулак и по форме напоминал тыкву.

⁷ Фауна: Жако или серый попугай, *Psittacus erithacus*

– Ты-то точно знаешь, где ты находишься, – сказал я про себя – точно знаешь.

Я отдохнул с полчаса и потом снова двинулся в путь. Каждый раз, когда надо было обойти открытое место, я старался не сбиться с пути и вернуться на первоначальное направление. Однако я понимал, что мог кружить по одному и тому же месту бесконечно долго, не отдавая в этом себе отчета. Всё мне казалось одинаковым и солнце не особенно мне помогало. Я засекал его положение на небе и сверял с показаниями часов, однако вскоре я понял, что не имею ни малейшего представления о том, что я делаю. В таком темпе я прошагал всю первую половину дня. Час ходьбы и короткий привал. В короткие моменты передышки я читал разговорник на суахили или путеводитель, чтобы хоть чем-то занять голову. Может и пригодиться когда-нибудь, если гипотетически произойдет встреча с местными жителями. Вставать и продолжать путь после отдыха мне становилось всё труднее. Из-за боли в колене я сильно хромал. Около двух часов дня я сдался.

Во всём виноват был я сам. Это я потащил своих друзей в это адское место и по моей вине они погибли. Если бы я их послушал, то сейчас мы бы возвращались из Италии, с большой коллекцией фотографий Венеции и открытками с видами Тосканы. Это я был во всём виноват, и только я. Во всём была моя вина.

В желудке урчало и очень хотелось пить. Передо мной сто-

ял выбор: как следует поесть и восстановить силы, или постараться сберечь продукты, подвергая риску мой ослабевший организм. Считается, что в джунглях раздобыть пищу и воду не составляет особого труда. Я тоже так думал. И мне очень хотелось есть. Так что я решил выпить банку напитка, съесть изъеденное муравьями печенье и бутерброд. Так я немного утолил навязчивый голод. Мармелад я убрал, посчитав, что он быстро не испортится. Потом, от усталости и после бессонной ночи, меня сморил сон.

Проснувшись, я уловил легкое шипение рядом. Должно быть это была змея, и совсем рядом. Я замер, напрягая слух, чтобы понять, где она могла быть. Страх сковал мне желудок, стало трудно дышать. Однажды я смотрел репортаж о змеях, которых называли «три шага», потому что после их укуса жизни оставалось только на три шага. В данных условиях это было бы даже неплохо. Я панически боялся мучений и боли, и мысль о том, что я мог часами проваляться в агонии, постепенно теряя связь с реальностью и окончательно сойдя с ума перед тем, как умереть, приводила меня в ужас. Если уж умирать, то пусть это будет быстро. Я почти желал такого исхода, чтобы освободиться раз и навсегда от этой непосильной ноши. Я это заслужил. Мне показалось, что шипение приближалось. Я даже различил приближающийся шорох потревоженной листвы. Я почти чувствовал её уже у себя на ноге. Она ползла по моему телу. Я был в этом уверен. Она ползла в направлении моего горла. Сейчас она меня укусит.

Я закрыл глаза и, чтобы успокоиться, сделал глубокий вдох. Ничего не произошло, и я открыл глаза. Оставаясь абсолютно неподвижным, я начал вращать глазами во все стороны в поисках змеи. Наконец я её увидел справа, в трех метрах от себя. Она обвила ветку дерева на высоте около двух метров от земли и водила головой в разные стороны, как будто что-то охраняла. Она была зеленого цвета с легким синеватым оттенком и пожелтевшими боками. Длинной она была около метра с длинным хвостом и тонким телом. Она настолько сливалась с деревом, что разглядеть её на ветке среди листьев было почти невозможно⁸. Когда она соскользнула с одной ветки на другую, я разглядел её белесое брюхо.

Некоторое время я оставался неподвижным, прислушиваясь, пока не убедился, что я слышал именно эту змею, всё остальное было плодом моего воспаленного воображения. Я медленно поднялся и оглядел внимательно землю вокруг себя в поисках другой змеи, но ничего не заметил. Похоже, что эта была единственная змея, единственная, которую мне удалось заметить. Сначала я собирался было обойти её и продолжить свой путь, однако вспомнил, что часто говорили, что мясо змеи по вкусу напоминает мясо птицы. Так, по крайней мере, рассказывали ветераны гражданской войны, вспоминая о том голоде, который им пришлось пережить. Я подумал, что это неплохая возможность раздобыть пищу, да ещё и вкусную. Я начал искать длинную палку, один ко-

⁸ **Фауна:** Зеленая древесная змея, *Leptophisahaetullamarginatus*

нец которой имел бы форму «V», чтобы можно было зажать голову змеи. Потом достал нож из кармана и прицепил его на пояс. Вскоре я нашел среди упавших веток одну подходящую и обрезал её так, чтобы один конец её был в форме буквы V. При этом я ни на секунду не терял из вида змею. Процесс подготовки показался мне бесконечно долгим, и я заметно устал, хотя и никакого значительного физического усилия это от меня не требовало.

Закончив подготовку, я стал осторожно приближаться к змее. Она никак не отреагировала на моё приближение, не заметила меня или просто игнорировала. Подойдя к ней на полметра, я поднял палку и со всей силы ударил её по голове. После первого удара она свесилась наполовину с ветки, и мне пришлось ударить её ещё дважды, прежде чем она окончательно упала на землю. Там я сильно прижал её голову к земле рогатиной. Змея сжималась в конвульсиях, непрерывно шипя. Меня вновь сковал ужас. Если я её отпущу, чтобы ударить снова, она меня наверняка атакует. Оставалось только приблизиться и воткнуть в неё нож. Собрав волю в кулак, я подобрался к ней вплотную и наступил на хвост, пытаюсь таким образом сковать её движения. Нагнувшись, я воткнул нож ей чуть ниже головы, пригвоздив её к земле. Даже в этом положении она не прекращала свои попытки вырваться и постоянно извивалась. Я вытащил нож и просто перерезал ей основание головы, отделив голову от туловища. После чего я резво отпрыгнул назад в страхе, что она снова может попы-

таться напасть на меня (бедный невежда!). Хвост продолжал биться о землю, и там где раньше была голова, возник пульсирующий фонтанчик крови. Я ударил её еще пару раз, но, так как ей было уже всё равно, я решил оставить её в покое на некоторое время. Её движения постепенно становились всё более медленными и, наконец, она замерла окончательно. Я тронул её пару раз палкой, но она уже не шевелилась. Она была мертва, и я, наконец-то, мог вздохнуть спокойно.

Моя первая победа в джунглях! Человек победил зверя! Мной овладело радостное чувство эйфории. Хоть на какое-то время все мои проблемы растворились как сахар в стакане горячего молока. Во мне крепла уверенность, что я смогу выжить и выбраться отсюда. Я ощутил себя настоящим искателем приключений, выжившим, уцелевшим, оставшимся в живых. Уже никто и ничто не мешает мне найти выход из этого зеленого лабиринта и вернуться домой. Я принял вызов природы и показал, на что способен. Я доказал, что могу адаптироваться и умею выживать. Теперь-то я знал, что я – победитель, победитель в этой неравной схватке с самим собой и с враждебными обстоятельствами.

Я взял змею и разрезал её вдоль туловища, чтобы вытащить внутренности. При этом, я постарался сделать это как можно тщательнее, однако надо признаться, что некоторое отвращение я всё же испытал. Я взял разрезанное туловище за хвост и резко крутнулся вокруг себя. При этом внутренности змеи разметало в разные стороны. Но вдруг я подумал,

что это не соответствует моему плану соблюдать осторожность и не привлекать внимание моих преследователей. Однако было уже поздно: внутренности змеи разлетелись повсюду, и у меня не было ни малейшего желания их собирать.

Остальное я дочистил ножом, при этом приступы тошноты пару раз подступали вплотную. Это было отвратительно. Потом я снял с неё кожу. И вот когда всё уже было готово, до меня дошло, что я не смогу развести огонь, чтобы её приготовить, так как меня сразу же обнаружат. Так что, у меня не оставалось другого выбора, как съесть её сырой. Я посмотрел на окровавленное мясо с некоторым отвращением. Затем, отрезав солидный кусок, я засунул его в рот. Едят же сырое мясо хищники, и ничего, ну и я смогу. Пожевав немного, я его выплюнул. Вкус был отвратительным! Это напоминало пластмассу, как если бы я принялся жевать куклы моих сестер или наполовину изношенный, старый хрящ. Я всегда предпочитал хорошо прожаренное мясо и никогда не мог заставить себя съесть даже прожаренное наполовину. А уж в сыром виде и вовсе никогда бы не стал пробовать. Меня всегда отталкивали продукты особой консистенции, такие как это мясо, недожаренная куриная кожа, сало, требуха...

Окончательно разочаровавшись, я собрал то, что осталось от змеи и моего обеда, и старательно всё это закопал. Сверху набросал немного листьев для маскировки. Для чего мне нужно уметь добывать пищу, которую я потом не смогу есть? Подвергать себя смертельной опасности быть укушенным, и

для чего? И вообще, пора было заняться вплотную проблемой воды. Постоянно меня мучила сильная жажда, а напитков оставалось только два. Я опустил на землю, весь в поту и крайне измотанный охотой на змею. В дрянном расположении духа, я выпил банку напитка и зашвырнул пустую тару в траву. Пусть меня найдут. В конце концов, может лучше умереть от пули, чем от голода, так быстрее. К тому внутренности змеи разлетелись метра на два в окружности. Прощай Победитель! Прощай, Выживший Герой! Привет, Победенный Неудачник, которому остается только умереть в этом диком саду! Всё-таки я это заслужил и не мог жаловаться. Я убил двоих своих лучших друзей. Как-то по телевизору я смотрел что-то о воде в джунглях. По-моему, там говорили, что добывать питьевую воду в джунглях было очень просто. Там и место называли, и способ добычи описывали подробно, но вот где и как, я вспомнить не мог.

Какое-то время, не знаю, точно сколько, я просидел без движения, опустив руки и уронив голову на колени. Никаких мыслей не было. Я сдавался. Это был отказ от борьбы, оставление позиций, отказ бороться за жизнь. Падение самолёта и смерть Алекса, убийство на моих глазах Хуана, эйфория от победы над змеей и последующее разочарование, усталость, сон....Слишком много всего за сутки с небольшим. Слишком много пережито сильнейших эмоций. Ну почему Хуан должен был сделать такую глупость – выскочить из самолета и броситься бежать? Ну почему он оставил ме-

ня одного? Вдвоём всё было бы по-другому. Но нет, он должен был попытаться сбежать, да ещё таким нелепым способом, так глупо, так... Я хотел домой. Я хотел закрыть глаза и открыть их уже дома, в своей постели. А всё остальное пусть окажется ночным кошмаром, очень реальным, но всё же сном. И потом рассказать о нем вечером на встрече со своей девушкой или со своими друзьями. Я заплакал, но даже слезы отказывались литься из глаз.

Потерянный, лишенный воли, разочарованный, совершенно разбитый и побежденный усталостью, я не знал, что делать дальше. В конце концов, я безотчетно подобрал и закопал брошенную мной пустую банку, поднялся и пошел вперед, медленно, безразлично, с трудом волоча ноги. Так я шел с перерывами до восьми часов вечера. Остановки становились всё продолжительнее, переходы – всё короче. Палка, которую я использовал против змеи, служила мне опорой при ходьбе, чтобы снять нагрузку с больного колена. Ног я почти не чувствовал. Я шел лишь для того, чтобы двигаться. При этом, направление я особо тщательно не выбирал. Я просто точно не знал, как это сделать. Наверное, мне уже было всё равно. Ну почему я настоял на том, чтобы они поехали со мной?! Почему я никогда никого не слушал и всегда должен был настоять на своём. И вот куда меня привело упрямое желание всё контролировать и во всём руководить. Хуан, идиот! Ну почему нужно было бежать? Это же было чистое самоубийство!? Это была твоя вина, Хуан, только

твоя! Я здесь ни при чем. Это была твоя вина!

На исходе сил, я съел целую упаковку мармелада и выпил последнюю банку напитка. Потом спрятал остатки трапезы вместе с одним из одеял в кустах. Для чего мне два одеяла? Я рассудил так: чем меньше веса я буду тащить с собой, тем лучше. Кроме того, было очень жарко, и рюкзак так нагревал мне спину, что временами казалось, что она горит. Майка, под рюкзаком прилипла к спине от пота, и это создавало очень неприятное ощущение. К тому же головокружение становилось постоянным. Видимо это было последствием обезвоживания организма. Меня это не удивляло, так как известно, что освежающие напитки утоляют жажду только на короткое время и не годятся для серьёзного возмещения потери жидкости. Что-то вроде эффекта Йо-йо, как его называл один мой товарищ по школе. Он говорил, что это происходит из-за сахара.

Смеркалось, и мне не хотелось опять спать на дереве. Я начал искать подходящее для ночлега место на земле. Я выбрал более или менее сухой участок, набрал зеленых листьев и веток, чтобы смастерить что-то вроде примитивной подстилки, и, свернувшись калачиком под маленьким самолётным одеялом, положив под голову вместо подушки рюкзак, заснул. Это был только мой первый день в джунглях, а я уже был по горло сыт этим приключением. Уничтоженный морально, сдавшийся и обессиливший, я страстно желал только одного: закончить всё это как можно быстрее, и неважно как.

ДЕНЬ 3

КАК НАЧИНАЮТСЯ МОИ НАСТОЯЩИЕ СТРАДАНИЯ

Что-то меня кусало, причем кусало по всему телу. Я вско-чил с диким криком, моментально проснувшись. Руки были покрыты красноватыми, с большой головой муравьями. Всё тело было покрыто ими. Они кусали меня всего. В панике я сорвал с себя одежду и принялся шлёпать себя ладонями по всему телу. При этом я прыгал и извивался как хвост какой-нибудь ящерицы, то крича во весь голос, то издавая болезненные стоны. Некоторые муравьи попадали мне в рот, заставляя меня плевать без конца. Другие залезали в нос и в уши – они были везде. Это было, как если бы целый пчелиный рой напал на меня сразу со всех сторон. Понемногу мне всё же удалось от них избавиться. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем я убедился, что ни один муравей не ползает безнаказанно по моему телу. Как раз в том месте, где я устроился на ночлег, пролегал маршрут бесконечной муравьиной колонны⁹. Всё тело моё покраснело от шлепков ладоней, а места укусов этих проклятых насекомых красне-

⁹ Фауна: Кочевые муравьи, *Dorylusspp*

ли маленькими точками на коже. Всё тело так чесалось, что я не знал, где именно надо чесать. Хотя и не было уже на мне муравьев, но мне всё ещё казалось, что кто-то ползает по мне, и я начинал снова конвульсивно дергаться.

Справившись с приступом бешенства, охватившим меня в битве с муравьями, я взял рюкзак и стряхнул с него ещё остававшихся на нём муравьёв. Потом я как следует вытряхнул одеяло и всю одежду, которую в горячке разбросал по земле. Надев только кроссовки, я убрал в рюкзак остальную одежду. Схватив с земли горсть камней и веток, я бросил ими в стройную муравьиную колонну, яростно выкрикивая при этом оскорбления и ругательства. На какое-то мгновение я потерял контроль над собой, гнев полностью овладел мной. Да, это муравьи во всем виноваты! И я с ними поквиताюсь! Это они довели меня до такого тупого состояния, и они за всё заплатят! В яростном исступлении я принялся топтать муравьёв. Меня сжигал изнутри первобытный инстинкт разрушителя. Муравьи заползали наверх по ногам и продолжали кусать, но я уже ничего не чувствовал, боль на время перестала существовать. Единственная ясная мысль в мозгу: уничтожить муравьев. Я машинально и иступлённо продолжал давить их ногами, а ударами ладоней по ногам, рукам и груди, расправлялся с теми, которые успевали залезть на меня. На протяжении нескольких минут это было моей единственной борьбой за жизнь, единственным реальным миром для меня. Ярость и разочарование, которые

я слишком долго сдерживал в себе, вдруг вырвались наружу и обрушились на муравьев вместе с неистовыми попытками растоптать их и уничтожить. Гулливер в припадке ярости, разрушающий Лилипутию. Потом, отскочив на несколько шагов в сторону, я повалился без сил в траву и замер, почти без чувств, на грани помешательства. Я не видел ничего из того, что происходило вокруг меня. Внешний мир перестал существовать, я чувствовал только одно – мою внутреннюю опустошенность. Постепенно сознание и мировосприятие возвращалось ко мне. Я вдруг вспомнил, что ночью мне показалось, что я слышал шум проточной воды. Я встал, взял рюкзак и палку и, раздетый и безразличный уже ко всему, пошел искать источник шума. Все тело у меня горело и чесалось, ноги и руки тряслись. Позади осталось множество раздавленных мной муравьев, но куда больше их осталось живых, копошившихся в траве, как будто в каком-то особом танце хаотического безумия.

Действительно, слух меня не обманул. Перед самым моим носом, скрытая среди густых зарослей, как оказалось, протекала река шириной около пяти метров. Первым моим желанием было снять кроссовки и броситься в воду. Однако я вдруг вспомнил о пиявках и решил сначала внимательно обследовать речку с берега. Так осторожность победила мой отчаянный порыв, хотя бы на какое-то время. Одна только мысль о том, что какая-то пиявка присосётся к моему телу и начнет сосать кровь, вызывала во мне внутреннее содро-

гание. Я потрогал воду рукой, она была достаточно теплой. Не увидев ничего, кроме красивых маленьких разноцветных рыбок, я успокоился. Они были слишком малы, чтобы служить кормом для других, и слишком красивы, чтобы самим убивать. У них было удлинённое и сплющенное тело, хвост был разделен на три части, центральная часть которого походила на птичьи перья. Глаза соответствовали величине головы, а расцветка состояла из синего цвета с радужными оттенками. Как только лучи солнца попадали на их чешую, она начинала ослепительно переливаться всеми цветами радуги¹⁰. Словом, не найдя ничего похожего на пираний или крокодилов, я решил всё же искупаться и напиться воды.

Я осторожно вошел в воду, нащупывая дно палкой. Кроссовки я решил не снимать, так как боялся, что меня может укусить какой-нибудь гад, или я напорюсь на что-нибудь на дне. Сначала меня передёрнуло от контраста температур воды и воздуха, но я быстро привык. Вокруг кружили стрекозы, разукрашенные в яркие цвета. Их удлинённые силуэты порхали то тут, то там, носились взад и вперед с головокружительной скоростью. Было множество и других насекомых: одни летали, другие скользили по поверхности воды, как по льду на коньках.

Когда вода дошла мне до колен, я остановился и принялся руками омыwać тело. Прохладная вода реки оказалась на моё покусанное и расцарапанное тело чудесный облегчаю-

¹⁰ **Фауна:** Конго тетра, радужная тетра, *Phacogrammus interruptus*

ший эффект, как, впрочем, и на многотрадальное колено. Возможность окунуться в прохладную воду, забыть обо всем на свете, насладиться данной минутой облегчения, произвела на меня глубокое расслабляющее действие. Я закрыл глаза и окунул голову в воду, задержав дыхание как можно дольше. Я чувствовал, как оживляющая прохлада окутывает меня и мягко ласкает мою кожу. На какое-то короткое время все проблемы, беды и заботы улетучились. Я начал пить большими глотками, пока не утолил жажду. Выходя из воды, я был полностью убежден, что смогу выжить. Моя воля и сила духа получили подкрепление и были готовы к борьбе.

Какой-то шум на ближайшем дереве привлек моё внимание, и я поспешил спрятаться в зарослях. Неужели меня, раздетого и полностью потерявшего бдительность, всё-таки нашли? Меня убьют, я уверен, безжалостно зарежут как скотину. Умирать я не хотел. Неужели мне не удалось замести следы? Неужели, после всего пережитого, я не заслужил хоть немного спокойствия? Разве не достаточно было муравьёв? В голове снова возникла сцена убийства Хуана, безжизненное тело Алекса в самолётном кресле, и красный ручеёк крови у него на лбу. Как кадры из прошлого, эти видения промелькнули в голове в виде серии коротких вспышек изображения. Я представил себя прошитого насквозь пулями повстанцев, истекающего кровью и агонизирующего в траве под огромным деревом, а вокруг смеются они, мои убийцы. Боль... Я внимательно осмотрел листву соседних деревьев

и обнаружил источник шума. Это была обезьяна размером примерно 50 сантиметров, с хвостом такой же длины, с мордой голубоватого оттенка и пучком темных волос с обеих сторон от глаза до уха. Над глазами также виднелись поперечные пучки светлых волос. Большая часть туловища была покрыта короткой шерстью темного цвета с желтоватым оттенком. Горло, грудь и брюхо были белого цвета¹¹. У меня отлегло – значит, сегодня мне не суждено умереть. Понемногу прибывали другие особи и, когда их собралось штук пять, они принялись прыгать друг за другом с ветки на ветку, издавая пронзительные крики. Наверное, они играли или что-то в этом роде. Запрыгнув на ветку, они принимались энергично трясти её, сопровождая это пронзительными криками. Может у них был брачный период, я не знал, но спектакль был грандиозный. Сердцебиение моё вернулось к своему нормальному ритму. Напоследок, одна из них спрыгнула вниз, схватила что-то с земли и немедленно засунула это себе в рот. Мне показалось издалека, что это была сколопендра.

На другом берегу реки показалась еще одна обезьяна, похожая на этих, но с другой расцветкой. У этой была черная морда и белые бакенбарды с бородой. Белая шерсть также покрывала её грудь и часть лап. На теле шерсть её была более тёмной, а на спине было пятно в форме треугольника красноватого цвета с оранжевым оттенком. Размером она была

¹¹ **Фауна:** Мартышка мона, *Cercopithecus mona*, *Cercopithecus mona*

побольше и значительно сильнее на вид, чем предыдущие¹². Она попила воды из реки, при этом, черпая её пятерней, и исчезла также быстро, как и появилась. Я задержался немного, наблюдая за игрой прежней стайки. Это было уникальное зрелище! Никогда бы не подумал, что увижу такое своими глазами. В памяти в очередной раз всплыли мои погибшие друзья. Как бы они обрадовались, увидев это! Особенно жизнерадостный Алекс, который всегда был очень любопытным во всех отношениях. С кем же мне теперь поговорить об увиденном? С кем поделиться своими впечатлениями? Никого не было рядом, никого, кто мог бы меня понять. Но нет! Я не должен думать об этом! Это мне не поможет. Сейчас мне нужно сбересть как можно больше сил, чтобы выжить. Выйти из этого проклятого леса должно быть единственной моей целью. Я должен выбраться из этого зеленого ада живым!

Я снял кроссовки и сдал их как смог, чтобы выжать из них воду. Затем я нанизал их на концы ветвей, чтобы дать просохнуть. Потом взял бутылку для воды и стал искать место, где бы течение было посильней. Я смутно помнил, что где-то читал, что воду нельзя набирать в местах, где течения нет, и вода застаивается, потому, что там она может быть непригодной для питья или содержать какую-нибудь живность. Конечно, об этом надо было вспомнить раньше, до того, как я напился из реки. Тело по-прежнему чесалось, хотя и не так сильно как раньше. Что-то укололо бедро и, когда я

¹² Фауна: Мартышка диана, *Cercopithecus diana*

посмотрел туда, думая, что это очередная царапина, увидел пиявку. Она напоминала слизняка, может только была чуть тоньше. Сначала я испугался, но испуг прошел быстро, и я стал соображать, как же мне её отодрать. Если мне не изменяла память, пиявки можно снять с помощью соли или с помощью огня. Я достал зажигалку и язычком пламени прижег пиявку. Она тут же скорчилась, и я, воспользовавшись моментом, соскрёб её с ноги ножом. Там, где только что она сидела, осталось красное пятнышко с маленькой капелькой крови. Я нагрел на пламени зажигалки лезвие ножа и осторожно прижег ранку. Я не имел ни малейшего представления, могли ли пиявки инфицировать рану или нет, но решил не рисковать. Боль была такая, что мне стоило больших усилий, чтобы не закричать во все горло. Успокоившись, я осмотрел всё тело в поисках других пиявок, но ничего не нашел. Эта была единственная. Теперь на ноге отпечатался кончик лезвия ножа. Наверняка будет огромный волдырь. Может, и не надо было так поступать.

Сегодня мне было лень что-либо делать, и я решил устроить себе выходной на первую половину дня. Столько сильных впечатлений, одно за другим, измотали меня окончательно. Я чувствовал себя разбитым, и тело стало как никогда тяжелым. Я отыскал укромный уголок в тени и, когда обсох, оделся и достал майку с надписью НАМИБИЯ, которую хранил в рюкзаке. Её я повязал вокруг головы так, чтобы закрыть не только голову, но и лицо от назойливых и много-

численных насекомых. Перед тем, как лечь, я внимательно оглядел ближайший кустарник. Таких я видел уже много. У него были ярко-красные, красивые плоды с маленькими синеватыми зернышкам¹³. Это съедобно? Раздавив какого-то заблудшего муравья, затерявшегося было в моей одежде, я закрыл глаза и погрузился в состояние полудремы. Усталость, жара и влажность разморили меня окончательно. Тело налилось свинцом, мышцы сковала неподъёмная тяжесть, а состояние моего духа оказалось под стать физическому.

Выстрел, потом очередь из автомата, потом еще выстрелы. Я вскочил на ноги. Выстрелы слышались с другого берега реки и довольно далеко. Это уже не было игрой воображения. Значит, меня скоро найдут. Я вдруг снова понял, что ситуация не позволяла мне расслабляться ни на миг. И если не держать ухо остро постоянно, то я наверняка здесь пропаду.

Я быстро собрал все свои вещи, убрал майку в рюкзак, надел носки и кроссовки и взял в руки палку. Кроссовки были еще мокрыми, но я не стал обращать внимание на такие мелочи. Я решил, что лучше всего следовать вдоль реки, которая, как я думал, выведет меня из леса. Однако идти прямо по берегу мне показалось крайне опасным делом, и я решил углубиться в заросли, чтобы незамеченным следовать вдоль реки параллельно её руслу в пяти, шести метрах от берега. Я опять был окружен лесом со всех сторон и, куда бы ни бро-

¹³ **Флора:** Кола дигитата, *Cola digitata*

сил взгляд, везде он упирался в сплошную зеленую стену. Я мог видеть только на три – четыре метра вперед. Как и следовало ожидать, вскоре я потерял реку и оказался, в который уже раз, на пути в никуда.

Я шел, меняя темп ходьбы, в течение всего вечера с редкими передышками. Во время передышек я старался восстановить дыхание и прислушаться. Пришлось смириться с тем, что кроссовки издавали при ходьбе что-то вроде чавканья, как если наступаешь в лужу. Икроножные мышцы взбунтовались и постоянно угрожали судорогами. Местами заросли становились гуще и мрачнее, погружая в тень некоторые участки леса. Комары были повсюду. Они атаковали меня непрерывно, как будто это была какая-то перманентная война. Они напоминали мне японских камикадзе времен второй мировой войны, которые направляли свои самолёты на цель, не считаясь со своими собственными жизнями. Комары действовали также. Они пикировали на меня постоянно, нисколько не считаясь с потерями, и не реагируя на мои «противовоздушные маневры» руками. Некоторые были такими большими, что походили не на легкие истребители, а скорее на тяжелые бомбардировщики, которые только своим видом начисто лишали врага боевого духа. Я напрягался всякий раз, когда замечал одного из них в непосредственной близости. Часто мне удавалось увернуться. Однако тело моё было сплошь покрыто укусами в тех местах, где одежда не покрывала кожу. Некоторые укусы пришлись точно на

те места, которые пострадали от встречи с муравьями. Эта битва была проиграна мной заранее. Это была бессмысленная, пустая и ничтожная борьба, потому что комары не кончались, а мои силы были на исходе. Дело дошло до того, что мне пришлось покрыть те места, которые не защищала одежда, слоем мокрой глины. Эта мимолетная идея меня всё же спасла. Двигаться стало неудобно, особенно когда глина высохла, однако назойливые атаки комаров были куда хуже. Благодаря этому мне удалось забыть о настойчивых насекомых на какое-то время. Победы я не добился, но длительную передышку получил. Кроме того, вскоре я ощутил, что зуд в местах укусов муравьев под глиной тоже прекратился. Наконец-то хоть немного везения!

Я не переставал ни на миг осматриваться вокруг. Меня не покидало ощущение, что за мной кто-то всё время наблюдает, преследует и старается, что называется, загнать в угол, то есть, всё дальше вглубь непроходимых зарослей. Порой мне казалось, что я даже слышу шаги и голоса моих преследователей, и даже мельком вижу их зверские лица, мелькавшие среди деревьев. В действительности же я никого не видел, да и следов их присутствия рядом не наблюдал. У меня создавалось впечатление, что деревья смыкались надо мной, давя на меня и образуя что-то вроде тюремной камеры из живых растений. Я не мог понять, было ли это проявлением паранойи или что-то еще, но ясно было одно, надо срочно успокоиться, чтобы выжить в этих чуждых мне и смертель-

ных джунглях.

В таком, слегка безумном состоянии я шел пока неожиданно не наткнулся на ужасную сцену. Похоже, когда-то это была семья приматов. Размером они были с шимпанзе или что-то вроде этого. Сейчас их тела, или то, что от них осталось, валялись на небольшой поляне в лужах засохшей крови. Лапы и головы у них отсутствовали. Вокруг этих останков роились тучи мух и других насекомых. Здесь же суетились различные любители падали. Смрад стоял невыносимый, и к горлу подступил острый приступ тошноты. Я взял себя в руки, собрал волю в кулак и заставил себя вновь посмотреть на поляну. Два тела были, видимо, взрослых особей и одно было поменьше. Детёнышей среди них не было, то ли эта семья ими ещё не обзавелась, то ли детёнышей забрали для продажи на черном рынке редких животных. Я знал, что некоторые части животных очень хорошо продавались на рынках Азии в качестве афродизиаков: рог носорога, кости тигра и прочее. Может, это и было что-то такое. Я решил покинуть это ужасное место как можно быстрее. Это открытие лишней раз продемонстрировало человеческую жестокость. К тому же, если в этих местах орудуют браконьеры, то вряд ли они будут рады видеть здесь чужаков.

Всё, что со мной происходило, сильно меня изматывало. В какой-то момент сильнейшая судорога свела икроножную мышцу правой ноги, и мне пришлось остановиться. Я опустился на землю и принялся растирать затвердевшую ногу.

Боль была такая, что мне пришлось стиснуть зубы и повалиться на спину. Потом, когда судорога немного отпустила, я перевёл дух и снова пошел вперед. Нога не переставала болеть в течение всего дня. Несколько раз мне казалось, что судорога возвращается, и я останавливался, чтобы растереть ногу. К вечеру я был настолько измотан, что даже идти медленно, как я шел практически весь день, стало невозможно. От длительной ходьбы ноги почти не двигались, больное колено, икры и ступни потеряли чувствительность и онемели. Во всём этом была и положительная сторона, так как, если мне удастся выбраться отсюда, я навсегда избавлюсь от «пивного» живота, который уже приобретал вполне конкретные размеры. Ну что ж, хоть что-то положительное! А чувство юмора терять нельзя! Это может меня спасти. И это единственное, что у меня осталось. Ну, ещё и жажда жизни! Елена! Всё бы отдал за то, чтобы тебя обнять, чтобы увидеть твою улыбку, чтобы вновь поесть приготовленную тобой еду, такую вкусную!

Я сел на ствол упавшего дерева и съел весь оставшийся мармелад, запив его большим глотком воды. Воды в бутылке осталось примерно на полстакана, а из еды не осталось ничего. Эту третью ночь в лесу я проведу, видимо, снова на дереве. После случая с муравьями я вряд ли смогу заснуть на земле. Но муравьи есть, конечно, и на деревьях, однако там, по крайней мере, меня будет не так легко застать врасплох моим преследователям или тем, кто стрелял в лесу.

Как и в первую мою ночь, я нашел подходящее дерево и решил залезть наверх по его стволу, используя в качестве опоры, обвившие его растения. Но, как только я ухватился рукой за стебель одного из них, мне пришлось сразу же отдернуть руку. Что-то сильно укололо. Все растения, обвившие ствол дерева, были покрыты острыми шипами. Почесав уколотую ладонь, я пошел искать другое дерево. Оно оказалось без сюрпризов, и я стал располагаться на ночлег, еще один ночлег в этом аду. Я снял кроссовки и носки и мысленно попросил бога, чтобы к утру они оказались сухими. В этом я, однако, сомневался, так как воздух был постоянно пропитан влагой. Ступни сморщились и стали темно-зеленого цвета. Я их высушил как смог, но болезненное ощущение всё же осталось. Я попытался разогреться, сначала при помощи одеяла, потом – растирая все тело. Но безрезультатно. Укусы муравьев и комаров все еще беспокоили меня, и с этим ничего поделать было нельзя. Единственное, что мне помогло когда-то, это влажная глина, которой я мазал кожу, чтобы избежать новых укусов комаров. Тогда постоянный зуд в местах укусов сменился каким-то другим, более комфортным ощущением, описать которое я бы не смог. Ноги продолжали болеть, как и спина. Правая рука онемела от постоянного размахивания палкой.

Я так устал, что заснул почти сразу. Последнее, о чем я подумал, перед тем как уснуть, было то, что неплохо бы утром выпить большую чашку молока с мёдом и парой гренок с тол-

СТЫМ СЛОЕМ МАСЛА И КЛУБНИЧНОГО ИЛИ ЕЖЕВИКОВОГО ДЖЕМА.

ДЕНЬ 4

КАК Я ПЕРЕЖИВАЮ НАСТОЯЩИЙ ТРОПИЧЕСКИЙ ЛИВЕНЬ

Меня разбудил какой-то шум совсем рядом, и я чуть не упал на землю от испуга. Ну, вот и всё, теперь-то они добрались до меня. Столько усилий, столько сил потрачено зря. Меня всё же застали врасплох, и теперь я должен дорого за это заплатить. Я судорожно схватился за ветку и испуганно посмотрел по сторонам в поисках повстанцев. При этом я, кажется, выкрикнул: – Не стреляйте! Не стреляйте! Однако вокруг никого не было. Повстанцы уже бы выстрелили или, по меньшей мере, стащили бы меня с дерева. Значит, это была ложная тревога. Мне стало даже любопытно, какое же животное потревожило мой сон.

– Я когда-нибудь проснусь спокойно? – проворчал я вслух – можете оставить меня в покое хоть на какое-то время?

По правде говоря, мне уже было всё равно. Я слез с дерева и потянулся, отчаянно зевая. Я неплохо поспал, несколько часов подряд, но спина по-прежнему болела. К тому же, окончательно проснувшись, я вновь почувствовал зуд на руках и ногах, в местах укусов муравьев и комаров. Спать на

дереве вообще-то не очень хорошо для организма, но иногда, это всё же предпочтительней, чем спать на земле, где ты можешь стать легкой добычей любого животного или человека. Я внимательно осмотрел ноги и руки и обнаружил, что некоторые ранки, особенно царапины от веток, воспалились. Только этого мне и не хватало! До меня донеслось какое-то невнятное урчание – это был мой желудок. Я почувствовал сильный голод, но еды у меня уже не было. Так что на сегодня главная задача – добыть пищу. Вода никакой проблемы пока не представляла, так как мне удалось вновь выйти к реке. Мне очень пригодился бы сейчас рассудительный Алекс, мне нужны были его умные и всегда тщательно взвешенные советы. Но Алекса не было, он был мертв, и Хуан был мертв, а я был один. И по моей вине – всё произошло из-за меня.

Я пошел к реке, чтобы умыться лицо и попить воды. Напившись вдоволь, я набрал воды в бутылку. Я знал, что жажда скоро вновь вернется. Я сел на большой камень и стал раздумывать, как лучше добывать пищу. Пока я думал, мой взгляд непроизвольно остановился на одном дереве, которое мне смутно что-то напомнило. Я встал и осмотрел его внимательней. Что-то я упустил, но что? Такое чувство испытываешь, когда что-то крутится на языке, но не можешь вспомнить точно, что именно. Вспомнил! Это такое же дерево, на котором тот попугай в прошлый раз лакомился его плодами. Вот так бывает, когда в голове срабатывает какой-то сигнал, и воспоминание наконец-то вырывается наружу из темных

закоулков забвения. Вот так и случилось на этот раз: крайняя нужда сняла оцепенение с парализованного мозга. Если животные едят эти плоды, то и я, наверное, мог бы. Я когда-то читал, что некоторые животные, вследствие своего метаболизма, могут переваривать ядовитые плоды, но в большинстве случаев, то, что едят животные, было съедобным и для человека. Особенно если это обезьяны, наиболее близкий к человеку вид из всех обитавших в здешних местах.

Подойдя к дереву, я залез на ближайшую ветку и сорвал два или три плода, которые на вид были самыми аппетитными. Спустившись, я разрезал пополам один из них. Внутри, по форме и текстуре, он напомнил мне наши сладкие начинки в виде тонкой, сладкой вермишели из тыквы, только красного цвета. Я очистил одну половинку и откусил маленький кусочек. Я жевал медленно, обсасывая его как карамель. Вкус был немного странным, но вполне приемлемым. Я съел с жадностью обе половины, затем очистил и съел второй плод. Разрезав третий, я обнаружил внутри маленьких червячков, и мне пришлось его выбросить. Затем я вновь забрался на дерево и нарвал еще с полдюжины плодов. Пять из них, наиболее твёрдых на ощупь, я решил убрать в рюкзак про запас, а оставшиеся я собрался съесть тут же.

Когда завтрак закончился, я почувствовал себя полностью удовлетворенным. Всё-таки я смог раздобыть пищу и поел досыта. Потом я торжественно пообещал самому себе, что продолжу поиски других источников питания, так как есть

одни только эти плоды было невозможно. Я решил, что надо внимательней присмотреться к птицам и обезьянам. Кроме того, надо было придумать, как можно есть мясо, не приготовив его на огне. Конечно, зажигалка у меня была, но я бы никогда не рискнул разводить огонь из опасения быть обнаруженным моими преследователями, если только я не придумаю, как развести огонь без дыма. Возможно, если я буду есть сырое мясо маленькими кусочками, то ничего страшно не случится. Это будет что-то на подобии карпаччо из итальянских ресторанов.

Исследуя реку на предмет съедобной, хотя бы на вид, рыбы, я обратил внимание на невысокий кустарник, росший вдоль берега реки. Высотой около полуметра, в основном, зелёного цвета с красноватым налётом на молодых листьях. Стебли были покрыты кучерявой порослью. Листья имели овальную форму с краями в виде зубов пилы¹⁴. Но моё внимание привлек их запах, сильный запах мяты. Я подумал, что это может мне пригодиться, и нарвал большой пучок этих листьев. Джунгли продолжали меня удивлять. Может я смогу всё-таки выжить. Новый приступ эйфории.

В тот день я решил идти так же, как в прошлый вечер, то есть параллельно руслу реки, но не по берегу. Насколько я помнил, республика Конго не имела выхода к морю, поэтому река, если она впадала в океан, привела бы меня в другую страну, без повстанцев, где я бы смог найти помощь. В лю-

¹⁴ **Флора:** Мята водная, *Mentha aquatica*

бом случае, альтернативный метод ориентирования по солнцу никуда бы меня не привел, так как я не имел о нем ни малейшего представления.

Утро прошло спокойно. Я шел и отдыхал, но ощущение дикой усталости было постоянным, мне казалось, что ноги стали весить 20 кг каждая. Порой возникало ощущение, что за мной следят, чей-то внимательный взгляд как будто был прикован к моей спине и сверлил мне позвоночник. Но, как бы я не вглядывался в окрестности, мне так и не удалось увидеть никого, никаких следов человеческого присутствия. Носки, как ни странно, высохли. Кроссовки еще были влажными, но уже не хлюпали так неприятно, как раньше. Однако ступни определенно были заражены каким-то грибком, как бывает после посещения грязного бассейна. Когда мне попадались птицы или животные, я замирал и начинал внимательно за ними наблюдать, пытаюсь понять, чем они питались. Но пока безрезультатно. Они перелетали или прыгали с места на место, не проявляя никаких признаков голода. Везет же им!

Что-то упало мне прямо на нос и я, проведя рукой по лицу понял, что это была вода. Взглянув наверх, я увидел еще капли воды, падающие прямо на меня. В следующий миг мне показалось, что черные, грозовые тучи падают прямо мне на голову. Небо потемнело почти мгновенно. Пошел дождь. Да что я говорю – «дождь»! Это был ливень, подобного которому я не видел никогда. Где-то очень далеко слышались раска-

ты грома. Иногда среди плотных туч сверкали яркие вспышки молний, озаряя все вокруг, как будто включались на секунду уличные фонари. Я стал лихорадочно искать укрытие, и единственное, что мне пришло в голову, так это сесть на корточки под огромным деревом, положив рюкзак под ноги. Я натянул кепку и накинул сверху одеяло, приготовившись просидеть так без движения до конца ливня, как это делали птицы, чтобы вымокнуть как можно меньше, подставляя дождю одни и те же места.

Дождь шел без остановки несколько часов. Мне показалось, что прошло несколько дней. Я успел проголодаться, но не осмеливался двинуться с места. Вода полностью пропитала одеяло и футболку. Я чувствовал, как вода стекает струйками по спине. Вода стекала также и по стволу дерева, подмывая меня снизу. Воды становилось всё больше, гром громыхал всё громче и вспышки молний сверкали всё чаще. В эти томительные часы я старался не двигать даже головой и развлекался тем, что искал взглядом маленьких насекомых на земле и, когда находил, с интересом наблюдал, как капли падали на них сверху, или как их смывало потоками воды. Мне удалось разглядеть и пару червячков, которые, казалось, с удовольствием извивались в грязи. А ливень всё шел без конца, и казалось, что бог Бумба, создатель народов банту, собрал все накопившиеся силы и обрушил их со всей яростью на мою голову, чтобы одним ударом покончить со мной. Мне стало холодно. Меня пробила дрожь. Зубы сами

по себе начали отбивать чечётку в ритме кастаньет. Кое-где образовались ручейки, текущие неизвестно куда, и омывающие все препятствия на своем пути. Река за моей спиной ревела громче обычного, видимо, разливалась из-за ливня. Чувство голода усиливалось с каждой минутой, а ливень не прекращался. Гром звучал всё громче и молнии, эти электрические разряды, вызванные титанической битвой грозовых туч, сверкали всё чаще. С каждой минутой я намокал всё сильнее. Сидеть, не двигаясь, под проливным дождем, может и помогало не промокнуть до нитки, но только не в джунглях. От такого тропического ливня можно было спастись только в четырех стенах и под крепкой крышей. Думаю, что даже под зонтом ощущение будет такое, как будто ты искупался в реке. Сейчас не время было думать о состоянии кроссовок. Я желал знать только одно, когда небо, наконец, закончит опустошать свои резервуары на мою бедную голову.

Я был в отчаянии. Мне стало казаться, что это может продлиться несколько дней или даже недель. В памяти всплыли азиатские муссоны и их разрушительные последствия. Не удивительно, что в джунглях растут такие высокие деревья, если их так обильно и часто поливает. Если ливень продлится еще хотя бы немного, то лес станет походить на аквариум с обезьянами вместо рыбок. Любопытно, что с дождём все, или почти все характерные звуки тропического леса стихли. Должно быть потому, что оглушающий шум падающей с

неба воды заглушал все другие звуки. Или просто все, кто эти звуки производил, попрятались от дождя в свои дома, в свои норы и гнезда. Все, кроме меня. Я оставался под открытым небом, под проливным дождем тропического циклона, без малейшего, хотя бы самого паршивого, укрытия. Если так пойдет и дальше, то я совершенно деградирую и очень быстро дойду до того, что вырою сам себе могилу и, умиротворенный, улягусь туда помирать в полном физическом и духовном изнеможении. В моем положении даже это не показалось мне такой уж плохой идеей. Почти что желанный отдых, уход от всего.

Молния ударила в дерево в десяти метрах от меня, и оно разломилось пополам. Треск раздался такой, что на несколько секунд я оглох и растерялся. Земля задрожала, и мне почудилось, что приближается конец света. Макушка дерева загорелась, и вся верхняя его половина повалилась на землю с оглушительным треском, сметая всё в своем падении. Странный запах наполнил всё вокруг. Сначала я остолбенел, пораженный мыслью о том, что подвергаю себя смертельной опасности, находясь так близко от деревьев. Я представил себе, как молния пронзает мое тело, моментально сжигая меня изнутри. Но, глядя на огонь, я понял, что, так как я уже промок до нитки, то и сидеть без движения смысла не имеет, а немного тепла мне не помешает. Именно на тепле сейчас сконцентрировались все мои самые сокровенные желания. Я поднялся, и все суставы отреагировали на это ди-

кой болью. Как будто в них вонзили одновременно множество длинных иголок, особенно в коленные чашечки. После трех неудачных попыток встать и интенсивного растирания мышц, мне всё же удалось вернуть ногам подвижность. Я подошел вплотную к огню.

Жар от огня ударил мне в лицо как накатившая волна, но это было приятное ощущение. Я закрыл глаза и принялся наслаждаться обволакивающим меня, спасающим, освобождающим от всех проблем теплом. Я снова накинул сверху одеяло, хотя навряд ли оно на что-то годилось. В ожидании окончания ливня, я собирал маленькие ветки и щепки и подбрасывал их в огонь, чтобы он не потух. Это вызывало яркие вспышки огня и снопы искр, затем всё успокаивалось, и ветки и щепки ровно и быстро догорали. Воспользовавшись ситуацией, я присел у огня, достал из рюкзака еще три плода, очистил их и съел. Надо сказать, что они мне уже порядком надоели, но голод – не тётка, однако есть опять эти фрукты мне уже не хотелось. Чтобы хоть как-то обмануть чувство голода, я стал слегка покусывать какую-то веточку.

Думаю, что, если бы не этот случайный и своевременный костер, в ту ночь я бы наверняка умер. Несколько раз я засыпал, роняя голову на колени, но сразу же просыпался, потревоженный вспышкой света от костра или услышанным во сне безутешным детским плачем. Влаги на своем теле я уже почти не чувствовал. Согретый теплом и заботой моего желто-красного горячего друга, я скоротал эту ночь у костра до

рассвета и дождался, наконец, окончания дождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.